

В ПРАГЕ ЛЮБЯТ ПРОКОФЬЕВА

В МОРЕ ЗВУЧАЩЕЙ музыки, которое заливают нынче весеннюю Прагу, случаются свои «приливы» и «отливы». Концерты и представления умеренных достоинств вдруг сменяются волной столь ярких художественных событий, что они задают тон всему фестивалю, как бы определяя его главную черту.

Минувшая неделя «Пражской весны» почти полностью была отдана музыке С. Прокофьева. Оперы, балеты, инструментальные концерты, камерная музыка, песни, романсы... Мы стали свидетелями нового триумфа творчества нашего великого соотечественника.

В то время как в Национальном театре шла опера «Повесть о настоящем человеке» (сценический вариант Большого театра), в переполненном Зале им. Сметаны Яков Зак играл Второй концерт для фортепиано с оркестром. Это могучее произведение — одна из вершин фортепианной музыки двадцатого века. В Рудольфинуме (так здесь называют Дом артистов — своего рода «Пражский ЦДРИ») Зара Долуханова проникновенно спела прокофьевские песни. И словно перекликаясь с их широким русским мелосом, со сцены Национального театра звучала пленительная мелодия балета «Каменный цветок».

В один из дней нас ожидало радостное событие: пражское телевидение показало премьеру оперы Прокофьева «Игрок». Созданная в 1916 году, опера молодого композитора явилась первым в истории музыки обращением к творчеству Достоевского (интересно заметить, что начинание Прокофьева продолжил великий чешский композитор Леош Яначек, написавший в 1928 году оперу «Записки из мертвого дома»).

Постановка «Игрока» по телевидению достойна высокой похвалы. Подкупают музыкальность и мастерство исполнения, смелость изобразительных приемов.

Другая телевизионная постановка, показанная на «Пражской весне», — малоизвестный балет С. Прокофьева «Стальной скок». То, что мы увидели, трудно назвать балетом в привычном значении слова. Это ряд музыкально-пантомимических сцен, наивно иллюстрирующих жизнь Советской страны в первые годы после революции. Режиссер попытался восполнить недостатки содержания балета вставками стихов Маяковского и монтажом подлинных фотодокументов, относящихся к тому времени. В музыке «Стального скака», ритмически четкой и моторной, есть очень яркие эпизоды. И ей, конечно, место на концертной эстраде, а не в театре.

Бесспорно, центральными событиями этой насыщенной музыкальной недели были две оперные премьеры — «Любовь к трем апельсинам» в постановке Национального театра и «Огненный ангел», сыгранный театром города Брно. «Любовь к трем апельсинам» — одна из лучших по музыке опера Прокофьева. Какой беспредельный комизм, остроумие, какая неистощимая фантазия! Поистине Прокофьев в этой опере — Россини XX века. Музыкальная

сторона спектакля безупречна. В этом большая заслуга талантливого дирижера Ярослава Кромбгольца. Ор-

кестр и певцы предстали в подлинном ансамбле. Опера прозвучала легко, ослепительно — настоящий музыкальный фейерверк! Тем досаднее нам говорить о существенных просчетах постановки (ее осуществил советский режиссер Г. Ансимов). Бросается в глаза эклектизм, смешение различных стилевых приемов, взятых напрокат из драматических театров 20-х годов. Режиссер словно не верит в силу и выразительность музыки. На сцене много суеты, неоправданных добавлений и перестановок. Оркестр, расположенный по воле режиссера в глубине сцены в тесноте кулис и декораций, проигрывает в своем звучании. И тем не менее спектакль имел успех. Музыка заставила забыть о всех недостатках. Своим увлеченным исполнением дирижер и артисты захватили публику.

Опера «Огненный ангел» до последнего времени совсем не ставилась в театре. Известно, что отдельные музыкальные фрагменты Прокофьев использовал в своей Третьей симфонии. Лучшие страницы оперы связаны с образом Ренаты. Ей отдал композитор мелодии редкой красоты и выразительности. Многие в этой опере словно предвосхищают Наташу Ростову из «Войны и мира». Энергией и мощью отмечены симфонические антракты во втором действии. Однако сюжет оперы, отнесенный к далеким временам средневековья, исполнен мистики, ужасов, болезненных эмоций. Вероятно, живя в 20-х годах за рубежом, Прокофьев этим произведением отдал дань определенным настроениям, господствовавшим на Западе после первой мировой войны.

КАК БЫ НИ БЫЛА интересна описанная нами декада прокофьевской музыки, она, конечно, не исчерпывает разнообразия программ фестиваля. Симфонические камерные концерты сменяются пестрой чередой. Выступили известные дирижеры — Курт Мазур (ГДР), Ладислав Словак (Чехословакия), Жан Фурнье (Франция), Альберто Эреде (Италия). В программе Л. Словака отметим «Свадебку» Стравинского, у Ж. Фурнье (его дебют на «Пражской весне» стал одним из крупных событий) выделим «Симфонические танцы» Хиндемита, «Ноктюрны» Дебюсси (с хором) и блистательно сыгранный Ф. Чехом Концерт для флейты с оркестром Жака Ибера.

Профессор Генрих Густавович Нейгауз, которого мы, гуляя, встретили вечером на улице, рассказал о выступлении Альберто Эреде:

— Интересный, серьезный дирижер. Очень хорошо провел Вторую симфонию Брамса. Впрочем, с таким чудесным оркестром, как оркестр Чехословацкой филармонии, при всем желании невозможно выступить плохо... И еще: изумительно пела Моцарта польская певица Стефания Войтович.

— Вы сейчас в гостиницу, Генрих Густавович?

— Что вы! Ийду бродить по Праге. Удивительный город! От него нельзя отрываться.

Е. СВЕТЛАНОВ, А. МЕДВЕДЕВ.

ПРАГА, 3 июня. (По телефону).